

УДК 821.51

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106>

Оригинальная научная статья

Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.)

Д. Ф. Загидуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация

✉ zagik63@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению возрожденческих процессов, произошедших в национальных тюркоязычных литературах СССР во второй половине XX века. Сочетание контекстного и герменевтического методов позволили определить основные художественные тенденции в тюркоязычных литературах в изображении этнического прошлого. Материалом для исследования послужили произведения азербайджанских, казахских, чувашских, якутских, туркменских и татарских писателей, в которых началось изображение этнического прошлого, быта и традиций в положительном ключе. Среди них имеются социально-психологические, историко-биографические и исторические произведения. Первые серьезные попытки национально-культурного возрождения были связаны с изучением и возвращением в художественное сознание мотивов, образов, приемов народного творчества. Литературная деятельность П. А. Ойунского и М. Джалиля, Н. Сарыханова свидетельствуют об этом. Произведения М. Ибрагимова, Ильбека, М. Ауэзова, Г. Баширова и др. указали путь к художественному воссозданию прошлого народа как истории уникальной культуры и нравственно-философских представлений. Путем рассмотрения произведений установлено, что тюркоязычная литература данного периода характеризуется такими чертами, как: возвращение к национальным художественным традициям; изображение этнической жизни как единого образа, охватывающего стремление народа к знаниям; красота природы и установленный порядок быта; существование вековой мудрости и нравственных канонов; продуманность обычаев и праздников и мн. др. Этот образ утверждает тесную взаимосвязь человека со своим миром, родной землей, землей предков. Ключевыми художественными приемами в тюркоязычных литературах 1960-х годов, способствовавшими созданию новых контуров самой литературы, стали неразрывная взаимосвязь этнических и общечеловеческих ценностей; обращение к древнетюркским и этническим мифам, легендам; внутренние монологи, изображение душевных качеств в динамике и расширение смыслового диапазона традиционных образов от единичного ко всеобщему, к архетипическим началам и др.

Ключевые слова: тюркоязычные литературы, изображение этнического прошлого, М. Ибрагимов, Ильбек, Н. Сарыханов, М. Ауэзов, Г. Баширов, преодоление соцреалистического канона, углубление личностного начала

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Загидуллина Д. Ф. Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 92–106. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106

Original article

Depiction of the “ethnic past” in Turkic language Soviet literature (1960s)

Daniya F. Zagidullina

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ zagik63@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the understanding of the renaissance processes that took place in the national Turkic language literatures of the USSR in the second half of the 20th century. The combination of contextual and hermeneutic methods made it possible to identify the key artistic trends in the depiction of the ethnic past within Turkic language literatures. The study is based on literary works by Azerbaijani, Kazakh, Chuvash, Yakut, Turkmen, and Tatar authors that initiated a positive way to portray the ethnic past, way of life, and traditions. These works include socio-psychological, historical, and biographical narratives. The first serious attempts at national cultural revival were associated with the study and return to the artistic consciousness of motifs, images, and techniques of folk art. The activities of P. Oyunskey, M. Jalil, and N. Sarykhanov testify to this. The works of M. Ibragimov, Ilbek, M. Auezov, A. Yakubov, G. Bashirov, and others laid the foundation for the artistic reconstruction of the people's past, presenting it as a history of unique culture and profound moral and philosophical ideas. A close examination of these works reveals that Turkic literatures of this period are characterized by a renewed emphasis on national artistic traditions, as well as the fostering the personal development and psychology, intellectuality and philosophy. It asserts the close relationship of man with his world, his native land, and the land of his ancestors. The key artistic techniques in Turkic literatures of the 1960s contributed to the creation of new literary landscapes included: the inextricable interrelation of ethnic and universal values; the appeal to ancient Turkic and ethnic myths and legends; internal monologues; the depiction of spiritual qualities in dynamics; and the expansion of the semantic range of traditional images from the individual to the universal, to archetypal principles, etc.

Keywords: Turkic language literature, depiction of the ethnic past, M. Ibragimov, Ilbek, N. Sarykhanov, M. Auezov, G. Bashirov, overcoming the socialist realist canon, fostering the personal development

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zagidullina D. F. Depiction of the “ethnic past” in Turkic language Soviet literature (1960s). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 92–106. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106

Введение

В сфере литератур народов России разделение на «старое» и «новое» произошло уже в начале 1920-х гг. Творческие личности были поставлены перед выбором: служить строительству социализма или стать объектом тотальной травли. Поиск нового в искусстве, в свою очередь, сопровождался отказом от традиций прошлого, имеющих национальные особенности.

Национальное было противопоставлено интернациональному, а вся дореволюционная татарская литература, например, в Татарстане, объявлена «байской», а значит ее традиции должны быть полностью забыты, уничтожены. Однако разрушение «старой» культуры, морали, гуманистических платформ рождало хаос в представлениях, в мышлении, в отношении к искусству.

Многие проблемы, обсуждаемые в кулуарах в связи с этой ситуацией, были озвучены в докладе «По какому пути пойдет татарская культура?» (1927) Г. Ибрагимова, имевшего в то время огромный авторитет не только среди татарской интеллигенции, но и в советской партийной верхушке. Доклад сразу же был подвергнут жесткой критике со стороны официальных партийных органов, в том числе московских чиновников такого уровня, как М. Калинин. «Показательная порка» в адрес одного из советских идеологов стала сигналом для татарской интеллигенции: после этого таких резких заявлений с их стороны мы уже не наблюдаем.

К началу 1930-х гг. в татарской литературе окончательно установился диктат советской идеологии [1]. В литературных произведениях и критических статьях, опубликованных в 1927–1930-е гг., главным критерием художественности начинает провозглашаться показ классовой борьбы. Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» привело к окончательной смене творческого многообразия единообразием. Вместе с ликвидацией всех литературно-художественных объединений и учреждением единого Союза советских писателей установилась политика жесткой регламентации и контроля писательского труда.

Безусловно, наряду с официальной литературой создавались произведения, для которых была свойственна опора на традиции дореволюционной классики. Но они не достигали своей цели – не доходили до читателя.

В скором времени «социалистический реализм» стал определяющим методом (стилем) в литературе, он полностью вытеснил творческую индивидуальность писателей, ориентируя их на возвеличивание масс. Поворот к новой действительности требовал нового героя – представителя масс, строителя коммунизма и борца за свободу всех народов. Новая концепция личности и идеологические требования к художественным текстам приводили к формализму в литературе, создавали ощущение искусственности произведений. Многие писатели и поэты, осознав это, начинают искать новые смыслы и поэтические приемы – в народной жизни, в народной речи, в народном образе мышления.

Эта тенденция находит отражение прежде всего в поэзии, в которой начинают возрождаться образность народной песни, особенности ее звучания. В прозе все было не так однозначно: поиск национальных традиций непременно вел к истокам народной жизни: прошлому, которое было табуировано советской идеологией. Советским прозаикам «...были предложены темы: недавнее прошлое и современность – как предпочтительные» [2, с. 165]. Картина «сегодняшней» борьбы за завтрашнее счастливое будущее требовала, чтобы вчерашний день (дореволюционное прошлое) народов рисовался в черных тонах.

По нашему мнению, смягчение соцреализма в прозе тюркоязычных народов началось с обращений к прошлому своего этноса, изображения народной жизни, быта, духовной культуры в единой связке как самой высшей ценности, позволяющей сохранить национальную идентичность.

Целью настоящего исследования является определение авторов и произведений в тюркоязычных литературах 1960-х годов, благодаря которым в советской прозе начались изменения в сторону возрождения образа этнического прошлого как символа национального самосознания.

Методы и история вопроса

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды отечественных исследователей, в которых представлены новые подходы к изучению русской литературы советского периода: монография М. М. Голубкова, в которой рассматриваются особенности государственной политики в отношении к литературе и основные пути художественного развития [3], учебное пособие Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, содержащее новую методологию анализа литературного процесса 1950–1990 гг., который авторы оценивают как «крупный исторический этап, сущность которого состояла в развитии кризиса тоталитарного общества и лежащей в его основании коммунистической идеологии – от публичного выражения первых, еще робких и половинчатых, сомнений в ее справедливости до полного краха с распадом многонационального Советского Союза – наследника великой империи, которая создавалась в течение трехсот лет» [4, с. 8–9].

С точки зрения нашего исследования значимыми являются научные статьи, включенные в сборник статей «Соцреалистический канон» [5]. Кроме того, на концепцию предлагаемого исследования оказали влияние работы, посвященные исследованию исторического авангарда на материале русской литературы [6].

Хочется особо отметить важность научного исследования А. Н. Мыреевой, в котором 1960-е гг. оцениваются как «время, отмеченное глубинным переосмыслением многих прямолинейных социальных представлений о личности человека, время реабилитации национальной истории, возрождения интереса к народу, его исторической судьбе» [7, с. 7].

В монографии В. А. Семенова «Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе», хотя многогранная деятельность выдающегося якутского писателя, ученого и общественного деятеля Платона Алексеевича Ойунского рассматривается в контексте формирования советской литературы, обращается внимание на то, что своим самобытным творчеством, проникнутым фольклорными мотивами, он доказал существование глубоких традиций художественного изображения [8]. Исследователь творческой биографии якутского прозаика Е. П. Антонов упоминает слова Е. Добренко о том, что в национальных младописьменных культурах «откат в фольклор и эпос» был неизбежным [9, с. 31]. Однако эта тенденция прослеживается и в старописьменных литературах.

В татарском литературоведении художественный процесс 1920–1930-х годов освещается в работах Ф. Г. Галимуллина [1], материалы по историческим мотивам в прозе XX века содержатся в трудах по истории татарской литературы и литератур тюркоязычных народов. Однако в определенном нами ракурсе – с точки зрения изменений в изображении этнического прошлого – работ немного. В частности, значение либретто «Алтынчеч» М. Джалиля в общем контексте татарской литературы 1930–1940-х годов рассмотрено в трудах Н. Юзеева [10], символическое содержание образов – в монографии Н. М. Юсуповой [11].

Произведения, о которых мы ведем речь, литературоведами чаще всего рассматриваются как историко-биографические тексты. Однако в них важным является не реконструкция исторических событий или биографических (автобиографических) материалов. Многие исследователи обращают внимание на стремление писателей представить прошлое народа как единый образ. Например, вот что писал Вилаят Гулиев о романе М. Ибрагимова: «В своем последнем большом произведении, которое, к сожалению, он не успел завершить, – в романе «Перван», автор вновь возвращается к феномену Нариманова и создает живой, монументальный образ-панораму Азербайджана XIX века, вошедшего в систему новых общественных отношений» [12].

В казахской науке о литературе, с нашей точки зрения, роман «Путь Абая» М. Ауэзова наиболее полно проанализирован в указанной плоскости в монографии Л. Ауэзовой [13]. Исследователь пишет: «Сочетая в своей работе точность историка и воображение художника, М. О. Ауэзов сумел добиться соответствия исторической и художественной правды, слияния вымысла с реальной историей, что дало возможность наиболее ярко и достоверно отобразить суть эпохи, воссоздав правдивые исторические характеры. Масштабность «Пути Абая» обусловлена и всесторонним изображением жизни народа, его исторической судьбы на протяжении полувека» [13, с. 298–299].

В «Истории чувашской литературы XX века» А. Мышкиной определяется, что в романе «Черный хлеб» Ильбека, к которому мы обращаемся в статье, «любовь к своему народу составляет внутренний пафос романа», а воссоздание истинно чувашского мира изнутри «достигается им через сочетание эпоса народной жизни и глубокого психологического анализа одного жизненного типа» [14, с. 52–53].

В решении поставленных задач предполагается использование сравнительно-исторического, системно-структурного и контекстно-герменевтического методов, которые реализуются в подходе к анализу отдельных произведений.

Результаты и обсуждение

Уже на рубеже 1940–1950-х гг. в национальных литературах народов России усиливается ощущение застоя. Для преодоления кризисных явлений потребовалась смена концепции личности. В качестве первого шага на пути к таким резким изменениям во многих национальных литературах предпринимались попытки изображения прошлого своего народа, этноса в деталях и красочных образах. В национальных литературах к таким темам обращались «первые» прозаики: признанные и официально, и в писательских кругах, заслужившие доверие своей биографией и талантом. Исторические мотивы позволяли им не только вести речь об этническом прошлом своего народа, но и возрождать национальные художественные традиции, а также затрагивать актуальные этнические проблемы современной им действительности.

Выдающийся государственный деятель, поэт, ученый и организатор науки П. А. Ойунский (1893–1939 гг.) – один из первых якутских коммунистов – был такой личностью. Он посвятил всю свою жизнь установлению советской власти в Якутии, был первым председателем Якутского ВЦИКа, с 1934 по 1938 гг. являлся председателем Союза писателей республики. Считавший, что каждый образованный человек обязан знать свои корни и происхождение, П. А. Ойунский, «занимавшийся исследованием якутского фольклора со студенческих лет, создал монументальный эпос “Нюргун Боотур Стремительный”» [9, с. 32].

Повесть-предание «Великий Кудангса» (1929) прозаика реконструирует «жизнь саха» в «допетровские времена», основываясь на древнеякутской легенде. Об этом он пишет во введении к тексту: «Время, в котором жил Кудангса – должно быть, время до Петра Великого. Это сказание очень хорошо показывает жизнь саха (якута) того времени, когда, с каких пор она изменилась. Потому тем, кто занимается исследованием народа саха, это сказание должно дать много полезного» [15].

Повествование начинается с описания земли и уклада жизни саха. Самый богатый и могущественный глава рода Кудангса, когда на их земле наступил лютый холод и воцарилась вечная зима, а затем разразилась эпидемия смертельной болезни и старожилы винят в этом звезду Чолбон (Венеру), велит шаману Чачыгыру Таас разрубить ее. После этого подвига он, желая спасти народ от болезней, решает породниться со злыми духами, выдав единственную дочь за сына повелителя бесов и женив своего сына на его дочери. Это приводит к страшным последствиям.

А. Н. Мыреева, проанализировав повесть «Великий Кудангса», пишет о «воссоздании писателем духовного менталитета своего народа»: «его произведения открыли миру национально-самобытный духовный мир якутского народа» [7, с. 237]. Вместе с тем в целом писателя «волнует судьба всего человечества», его «идеал – свободные люди на свободной земле» [7, с. 233]. Эта тенденция, скорее всего, соответствует духу советского интернационализма.

Однако путь, выбранный Кудангса, не приближает его к идеалу. Разъясняя поступок главного героя как искажение человеческих ценностей, исследователь М. А. Бурцева пишет: «Его собственные человеческие пороки и страсти подготовили почву для нравственного падения и разрушения личности. Беды и несчастья, постигшие род Кудангсы, на первый взгляд, кажутся внешними обстоятельствами действия в произведении. Однако с их приходом пробуждаются те скрытые и потаенные желания, которые гнездились в его сознании задолго до того, как они получили реальное воплощение» [16, с. 25]. Ошибка героя оборачивается не только его одиночеством и нищетой, но еще и тем, что приходят в запустение некогда богатые земли, рушится вековой уклад жизни.

Так прозаик затрагивает проблему ответственности великих личностей перед родной землей и своим народом. Эта проблема являлась основополагающей в национальных литературах дореволюционного периода (например, в татарской литературе), освещающих тему судьбы нации и создающих этнический образ мира.

В татарской литературе либретто «Алтынчеч» (1939) М. Джалиля, сюжет которого построен на мотивах героического эпоса о Джик-Мергене, сказках «Ханская дочь Алтынчеч», «Золотое перо» и других легендах и преданиях татарского народа, созвучно в этом плане с преданием П. А. Ойунского. В отличие от установленного соцреалистического канона в образотворчестве, когда масса ставилась выше личности, Джалиль центральными фигурами делает условно-символические образы, каждый из которых является идеалом мужества, силы и красоты. Одновременно и Тугзак-ана, и Джик, и его возлюбленная Алтынчеч представлены как свободолюбивые личности, воплотившие в себе мечту народа о воле и независимости. Так формируется единый образ этнического прошлого. Этот идейно-художественный замысел автора ассоциируется с традициями патриотических мотивов в Орхоно-Енисейских надписях, с классическими прозаическими произведениями Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и др.

В представлении актуальных для эпохи проблем сказочная форма выполняла роль своеобразного «эзопова языка». Это особенно заметно в туркменской литературе: романтическая повесть Нурмурата Сарыханова (1906–1944) «Шукур-бахши» (1941; пер. А. И. Аборского) воспринимается образцом гражданского мужества автора. Конфликт между музыкантом Бахши и ханом, возникший из-за его брата Берды, с самого начала получает другую, подтекстовую символическую интерпретацию.

Вернувшись домой, Бахши получает трагическое для семьи известие: его брат оказался в ханских застенках. Мужчины аула, собравшись, обсуждают план освобождения Берды. Из двух возможностей: освободить силой или заплатить – они склоняются к первой. Бахши предлагает иной путь: «Я поеду один, вот с этим дутаром, к самому хану!» [17].

Безусловно, советская идеология требовала, чтобы при разрешении этого конфликта хан обманул, показав себя недостойным. Однако символическое содержание этого противостояния жестокости и искусства, зла и красоты указывают на иной исход. При помощи своей музыки, победив в честном бою Гулама-бахши, герой сумел освободить брата: Мамед-Яр хан сдержал свое слово.

Положив в основу туркменскую легенду, автор воссоздает поистине удивительный образ прошлого своего народа, который может быть прочитан и как история о духовной поддержке родной земли в трудную минуту, история о крепости братских уз, история о вере и таланте и о благотворной силе музыки и искусства. Обойти жесткие каноны Н. Сарыханову помогли исторический материал и образ главного героя – известного среди туркмен музыканта, с именем которого ассоциировались этническая музыка и культура в целом. В этом контексте повесть воссоздает жизнь, быт, историю и культуру туркмен в деталях, их отношение к музыке и сочинительству. Молодой писатель будто бы задается вопросом: была ли необходимость для кровопролития, чтобы получить свободу? Подчеркивая музыку как отличительную черту, этническую особенность туркмен, он связывает будущее народа с развитием искусств: «К счастливому племени тянутся музыканты, а к несчастному – враги» [17].

Произведение Н. Е. Мординова (Амма Аччыгыйа) «Весенняя пора» (1944) стало первым романом в якутской литературе. Ученые называют его «подлинной энциклопедией жизни якутского народа в начале XX века». «В романе Мординова своеобразно переплелись традиции устного народного творчества, якутской письменной литературы и русской классики. Создавая эпическую картину жизни народа саха в исторически переломную эпоху, автор многопланово показывает традиционный уклад жизни народа, его нравственно-эстетические устои» [7, с. 237–238].

Основная сюжетная линия романа – история нравственного и духовного формирования Никиты Ляглярина – выводит на первое место классовый подход. В качестве единого образа складывается «духовный мир героя романа, будущего писателя» [7, с. 245], который изображается в контексте взаимоотношений природы и человека. По мнению А. Н. Мыреевой, «с этих позиций можно подойти и к романной диалогии юкагирского писателя С. Н. Курилова «Ханидо и Халерха» (1969) и «Новые люди» (1975), где отразились самосознание небольшого, но своеобразного народа, его история, традиционный быт, система нравственно-философских воззрений» [7, с. 263]. Хотя здесь речь идет не о тюркоязычном народе, пример позволяет сделать заключение о том, что у народов, сохранивших в исторической памяти представление о единстве с природой, образ прошлого этноса был неразрывно связан с натурфилософией.

Таким образом, еще в первой половине XX века во многих литературах прослеживается попытка поиска нравственно-эстетических ценностей, являющихся основополагающими для культуры своего этноса. Для этого прозаики обращались к мифологическим мотивам и образам.

На этой основе в 1960–е гг. происходит обновление эпических жанров. А. Н. Мыреева указывает на несколько характерных особенностей, которые выделяются в литературном процессе. По ее мнению, описательный роман уходил на второй план, жанр «все более превращался в социальное исследование, а эпическое в романе все чаще выступало как эпическое в характере» [7, с. 29]. Во всех литературах преобладал «качественно обновленный» социально-психологический роман, эволюция которого была подготовлена повестью. В жанре повести «тема сохранения духовных ценностей стимулировала поиски стиля, новых изобразительных возможностей, обращение писателей к народно-поэтическому творчеству, к приемам обобщающе-символизирующего значения. Обогащение психологизма позволило авторам обнаруживать скрытые национальные истоки мировосприятия героев, концентрировать общечеловеческое в характере и ситуациях» [7, с. 34]. В национальных литературах эти изменения сопровождались выведением на первый план этнической проблематики.

Эту мысль можно подкрепить конкретными примерами из литератур народов СССР.

Азербайджанский писатель, государственный и общественный деятель Мирза Ибрагимов (1911–1993) завоевал известность не только на родине. Народный писатель Азербайджанской ССР, Герой Социалистического Труда, он в 1942–1947 годах работал министром просвещения АзССР, был Председателем Президиума ВС АзССР, долгие годы работал председателем правления Союза писателей Азербайджана, был секретарем правления Союза писателей СССР.

Уже в 1930-е гг. Ибрагимов получил известность как один из ярких представителей советской литературы, освоивший метод соцреализма. С одной стороны, его социально-психологический роман «Великая опора» («Слияние вод») (1957) рассказывает о жизни послевоенной колхозной деревни. В соответствии с духом времени автор строит основной конфликт между старыми и новыми взглядами, порядками и обычаями, который разворачивается внутри колхоза, внутри семьи председателя Рустама, а также внутри него самого. Писатель создает психологические коллизии, в результате возникает не только столкновение противоположных интересов, мнений, стремлений, но и прослеживается ситуация, когда человек вынужден принять новый образ жизни. Это приводит к широкому спектру эмоциональных проявлений и психологизм становится одним из главных приемов при создании подобных сильных личностей – в амплуа национальных характеров. Такое явление присуще и следующему роману писателя.

Роман М. Ибрагимова «Перванэ» (1969–1970) по материалам, которые легли в основу (он – о детских и юношеских годах Н. Н. Нариманова) произведения, можно определить как историко-биографический, однако в стилевом плане он более подходит к социально-психологическому роману. В нем реконструируется жизнь, быт, история и культура азербайджанского народа в XIX веке.

Автор уделяет внимание взаимовыручке и дружбе между азербайджанцами, именно эти качества стали самыми важными в жизни дореволюционных этнических сообществ. В этом плане особое значение имеют образы Вафадара, Джафара, Рейхан, Сакины, Идриса и др., воссозданные писателем с использованием психологических коллизий.

В романе значительное место уделяется изображению национального быта. На протяжении всего романа присутствует чарующая музыка, которая представляется неотъемлемой частью азербайджанской культуры. Ашугское искусство представлено в разделе о тоске Вафадара о любимой, которая выражается в игре на сазе и его авторской песне [18, с. 285–286]. Описывая рождение Наримана, писатель рассказывает о празднике Новруз [18, с. 318–321]. Обычаи и обряды, связанные со сватовством, женитьбой, рождением ребенка, религиозными праздниками, составляют особый узор этнической духовной жизни. Представляя картины детства Наримана, писатель затрагивает тему традиционного отношения к младшему сыну в азербайджанских семьях, которая также нашла отражение в легендах и преданиях [18, с. 327]. Со слов французского путешественника он в лице Хури описывает природу и образованность азербайджанских женщин [18, с. 302–304]. Писатель знакомит со многими известными личностями азербайджанского народа, среди которых Мирза Фатали Ахундов, Александр Осипович Черняевский, касается вопросов истории женского образования, открытия первых женских школ, гимназического образования в Азербайджане и т. д. В таких деталях проявляется образ жизни азербайджанского общества XIX века, в центре которого находится стремление людей к знаниям, к свету.

Особую роль для интерпретации романа играет его название. «Перванэ», или бабочка, в мусульманской культуре – элемент парного суфийского символа, который означает стремящегося к Всевышнему влюбленного, крылья которого по

мере приближения к источнику света будут опалены. В самом романе не только Н. Нариманов, выбравший смыслом жизни служение азербайджанскому народу, а практически все герои одержимы достижением своей жизненной цели. У каждого из героев: двуличных и жестоких богачей Ильяса бека, Джахан-ханум, Сафигулу-бека, Селима, Афериды и др., противопоставленных им Хури-ханум, Сахиба, Вафадара, Сафарали и др. – жизнь и деятельность подчиняется этой цели, каждый шаг мотивирован.

Безусловно, автор не порывает с соцреалистическим каноном. Но для него на первый план выходит изображение национальной картины мира, акцентуация этнических проблем. Биография самого автора, его борьба за сохранение национального в азербайджанской культуре, кроме того, ограничение романного материала юношескими годами Наримана свидетельствуют о том, что главной целью писателя являлась реконструкция прекрасного национального образа мира.

Для сравнения можно вспомнить исторический роман в четырех книгах «Путь Абая» (1 кн. – 1942) Мухтара Ауэзова (1897–1961), который стал для казахской литературы «возвращением» в историческую память дореволюционной жизни своего народа. Главный герой романа – реальное историческое лицо, знаменитый казахский поэт, основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев. Писатель во всех четырех книгах представляет две основные линии народной жизни: родоплеменные отношения в степи и духовная жизнь казахского народа. В романе развернута панорама быта и нравов кочевых и оседлых степняков конца XIX века, однако она находится в «тени» сюжетной линии, посвященной изображению классовой борьбы: остается контекстом и одним из мотивов в романе.

В системе образов писатель противопоставляет отца и сына, последний свободное время посвящает чтению и игре на домбре. Ауэзов показывает особенности быта и духовной жизни своего народа через восприятие Абая, через его видение. Так, в самом начале произведения, Байтас-сере (певец) рассказывает своим молодым попутчикам, как все лето развлекал народ пением, а теперь пришло время возвращаться к жене: «Решил остудить ее гнев заранее, еще издали – сочинил для нее песенку, напел ее кое-кому из своих друзей и отправил их домой к жене, за день – за два до моего возвращения, чтобы они успели ее спеть Ойке-апа...» [19, с. 9]. В небольшом эпизоде раскрываются мировоззрение и характер певца, отношение в степи к пению. Лирика самого Абая и его «Слова назидания» в целом становятся лейтмотивом романа.

Зачастую патриархально-родовые традиции, вызывающие у читателя негативное отношение, как, например, многоженство, уже в самом начале романа – в описании встречи Абая с семьей – указывают и на теплые взаимоотношения в семье, и на уважение к старшим (бабушке). Далее М. Ауэзов изображает народные обычаи, свадебные обряды, народные празднества, связанные с рождением ребенка, похоронный ритуал, верования, и т. д. К. И. Сатпаев пишет, что эпопея «Путь Абая» представляет собой «подлинную энциклопедию всех многогранных сторон жизни и быта казахского народа во второй половине XIX века» [20, с. 28–29]. Однако эта линия, как было сказано выше, является не главной, уступая место изображению классовых взаимоотношений.

Биографизм произведения позволяет писателю найти «золотую середину» в изображении прошлого, считает К. Уразаева: «Это результат столкновения просветительского реализма, сформировавшегося в поэтике казахской литературы рубежа XIX–XX веков, критического реализма, формирующегося в поэтике Ауэзова, и нормативной поэтики соцреализма с фольклорной поэтикой» [21, 1., с.167].

В 1948 г. роман (1–2 книги) был удостоен Сталинской премии, а в 1959 г., после завершения эпопеи, он был отмечен Ленинской премией как выдающееся произведение социалистического реализма.

Не все исторические романы в тюркоязычных литературах, затрагивающие жизнь и быт своего народа, сумели воссоздать единый образ этнического прошлого: примеров этому много. Например, в романе узбекского писателя Айбека «Священная кровь» (1938), посвященном пути выдуманного героя по имени Юлчи к классовой борьбе, хотя и уделяется внимание изображению обычаев, традиций, особенностей межличностных отношений, однако они остаются контекстными деталями в описании ситуаций. В татарской литературе в 1952 г. появляется первая книга романа А. Файзи «Тукай». Роман был задуман как эпопея о жизни татарского народа, начиная с рождения будущего поэта в 1886 г. К сожалению, писатель успел запечатлеть лишь детство маленького Апуша и начальный период его творчества (книга охватывает период с 1886 по 1905 гг.), роман стал по жанру биографическим повествованием.

В чувашской литературе в 1957 г. появляется социально-психологический роман Мигулая Ильбека (Николай Филиппович Ильбеков, 1915–1981) «Черный хлеб», изображающий жизнь чувашской деревни XIX в. Пролог начинается со смерти отца главного героя Шеркея – Сямаки. Жажда обогащения приводит семью Шеркея к потерям: самоубийству дочери, смерти жены, пожара в доме. Через большие жизненные испытания герой приходит к пониманию цены «черного хлеба» – родной земли, которая дает жизнь, ее нравственных законов, народной мудрости. Образ, давший название роману, писатель сделал символом: к прологу и к первой части романа предпосланы эпиграфы: «Жизнь прожить – не поле перейти»; «Того не насытила беда, кто ел черный хлеб» (чувашская пословица); «И будь вовек благословенен, хлеб ржаной, просоленный потом» (Митта Васлее) [22]. Как во всех произведениях тюркоязычных советских авторов тех лет, обратившихся к мотиву истории своего народа, главный герой в романе размышляет о самой главной ценности, которая дает силы пережить все испытания эпохи. В переживаниях Шеркея это звучит так: «Самое худшее для человека – потерять надежду. Когда есть надежда и вера, он силой души осуществит мечту свою. Не таков ли наш народ?» [22].

В «Черном хлебе» широко представлено дореволюционное прошлое чувашей-язычников. С особой теплотой описаны их традиционные обычаи: встреча гостей, жертвоприношения, ворожба, свадьба, похороны, праздник синьзе, обряд воровства воды и т. д. Но тем не менее на первое место выходит изображение того, как под влиянием российской действительности конца XIX и начала XX столетий формировались самосознание чувашского крестьянина и его стремление к независимости. Детальное повествование о росте социального расслоения, конфликтов между зажиточными и бедными крестьянами позволило писателю соответствовать принципам социалистического реализма. Это особенно заметно во второй книге романа, в которой Шеркей становится серьезным предпринимателем и хозяином деревни. Писатель завершает роман в 1962 г. Но третья книга, в которой в соответствии с хронологией Шеркей должен был быть представлен в гуще революционных событий 1917 г., не была написана.

Следующим шагом в изображении прекрасного прошлого своего народа как истории, запечатленной в едином образе родной стороны, стала социально-психологическая повесть «Туган ягым – яшел бишек» («Родная сторона – моя зеленая колыбель», 1967) татарского писателя Г. Баширова. На этом месте хочется привести еще одну цитату А. Н. Мыреевой: «Иная жанровая структура отличает социально-психологическую повесть середины 1960-х гг. Стремление авторов ряда значительных произведений осмыслить «судьбу человеческую» как «судьбу народную» обусловило «романизацию» повести» [7, с. 46]. Это наблюдается в повести Г. Баширова.

Хронологически прозаик охватывает последние 15 лет до революции 1917 г. Не сбиваясь с идеологически выверенной стези, в основной сюжетной линии писатель воссоздает жизнь мальчика Гумера, начиная с подросткового возраста и до взрослой жизни, доводит его до точки безысходности: оставшись с долгами после смерти отца, юноша не знает, как жить дальше. В это время был свергнут царь, начинаются разговоры о разделе земли, приезжает Ахат (идеализированный автором деревенский парень из бедняков), они строят новый дом. Революция приносит людям новую надежду. Эта часть – семнадцатая глава – развязка, на этой точке повесть заканчивается.

Произведение, полностью посвященное описанию татарской деревни начала XX в., отражает все прекрасное, что было в ней: стремление к знаниям и свету, теплые взаимоотношения людей, красоту и самобытность обрядов и обычаев. Повернувшись лицом к духовному миру татарского народа, повесть словно призывает читателя осознать, что татарская деревня до 1917 г. не была гнездом невежества и темноты, как тогда твердила советская идеология.

Каждая из 17 глав повести пронизана безмерной любовью к татарской жизни, ностальгией по чистоте той эпохи. Например, в первой главе «Грусть рыжего коня» говорится о том, как ожеребилась кобыла главного героя повести – мальчика по имени Гумер, как увезенный на базар жеребенок не вернулся домой, описываются игры деревенских мальчишек, катания с горы, семейная традиция читать в доме вечерами книги, участие Умикамал в девичьих посиделках, чтение Хамзой-абый книги, происшествие с упавшим с печи ягненком и испугом матери, любовь Гумера к чтению.

Первая же картина повести, когда мальчика будят сообщением «Кобыла ожеребилась!», иллюстрирует традиционный в татарской литературе мотив любви к коню, подчеркивает, насколько дорогим созданием для мальчишек был жеребенок. «Выбежав во двор, от радости чуть речи не лишился. Вот он, тот жеребенок, которого я так ждал! Сам рыжий, вдоль хребта идет коричневая полоса, шириной с палец, передние ноги до колен словно одеты в белые носки. На лбу звездочка. Странно расставив в разные стороны тонкие и длинные, как палки, ноги, он пытается сосать.

Рядом со мной, отведя руки назад, не отрывая от жеребенка глаз, стоит и улыбается отец. Он тоже доволен.

– Наша кобыла давно хотела привести красивого жеребенка и все искала его, – говорит он.

– А чего раньше не приводила?

– Ха, легко тебе говорить! Думаешь, такого красивого жеребенка часто можно встретить? Вот вчера ходила в ночное, да и привела с собой этого в белых носочках...» [23, с. 8].

Эти слова, сказанные от имени мальчика, отношение отца к лошади вызывают ассоциацию с рассказом Г. Ибрагимова «Алмачуар» («Чубарый»), любовь татарина к лошади закрепляется в сознании читателя как национальная черта. Описания жеребенка, его повадок, мест, в которых деревенские мальчишки выхаживают и растят своих жеребят, составляют целую историю. В дальнейшем многие знаковые явления из жизни татарского народа, представленные в повести, усиливаются на волне интертекстуальных связей с другими известными произведениями татарской литературы.

Первая глава состоит из 9 подглав. Здесь мы знакомимся с мальчиком по имени Гумер. Как и все мальчишки, он любит игры, шаловлив – из тех, кто сначала делает, а затем думает. Но у него есть и свои особенности. В первой подглаве, в которой мальчик рассказывает, как Закир-абый в валенках перепрыгивал речку,

сам герой выглядит гордым и обидчивым. Услышав слова: «Да разве есть в нашем околотке такие храбрые мальчишки! Одни трусы, одни куриные сердца!», Гумер прыгает через речку, в отличие от других мальчишек. А еще он мечтательный мальчик. Например, вот как он представляет себе буран: «...играющий, пеший буран хвостом задевает окошко. Иногда, обессилев, падает и остается у окна». Тень матери на печке он воспринимает как «большой человек, оседлавший длиннее таинственное животное», тени кажутся ему сказочным волшебством. Луну он воспринимает как живое существо, его занимает вопрос: о чем она размышляет... Так понемногу писатель раскрывает характер мальчишки – татарина.

Далее Гумер делает шаг из детского возраста в подростковый мир, а в конце уже перелистывает книгу о Юсуфе. Последние подглавы посвящены его подростковому годам. У Гумера умирает отец, юноша вынужден выплачивать его долги и постепенно становится опорой семьи. Таким образом, повествуя от имени Гумера, выступающего в произведении рассказчиком, о встреченных в жизни людях, событиях и явлениях, писатель создает панораму татарской деревни начала XX века.

Каждая подглава повести рассказывает о каких-то надеждах и ожиданиях героя, о том хорошем, что происходит в жизни, но большинство событий оканчивается некрасиво, не так, как ожидалось и хотелось. Отец героя – справедливый, суровый, требовательный Башир-агай – влюблен в прекрасное, он выращивает в своем саду удивительные цветы, но однажды умер соловей, кто-то убил певца красоты (вторая глава). С подобным же явлением мы встречаемся, когда Башир наносит на стул узор, в то время как заказчику это вовсе не нужно. Описывается яркий, радостный праздник сабантуй, но в конце его разгоняют (третья глава). У каждого героя есть надежды и мечты, но они не сбываются. Гумер хотел жеребенка – он потерялся; пошел учиться на портного, чтобы помочь семье, но оказалось, что заработал лишь себе на пропитание и рубашку; мечтал об описанной в книгах жизни – а жизнь оказалась совсем иной. Башир-ага жил мечтой вырастить сына Хамзу и тем самым немного облегчить жизнь семьи, но началась война, и Хамза ушел на фронт (четырнадцатая глава). Тогда Башир подался было в религию, но старый хазрет его разочаровал (тринадцатая глава). Уммикамал и Ахат мечтали создать счастливую семью, но ничего не получилось (одиннадцатая глава). Построение каждой главы по этой структуре, в конечном итоге, формирует философский вывод: человек жив надеждой! Необходимо отметить, что эта мысль является лейтмотивом татарской советской литературы, так или иначе повторяясь в каждом произведении, будь оно прозаическим или поэтическим.

С помощью образов сельских жителей автор рассказывает о татарской деревне начала XX века, ее жизни, ежедневных делах и хлопотах, надеждах и ожиданиях, обычаях и обрядах, о том, как это было прекрасно. Сабантуи, выработка льна и ткачество, вечерние игрища, детские шумные забавы, ночное, посиделки, сватовство, приход жениха – все описано с необычайной теплотой. Так повесть выходит за рамки автобиографического произведения: начинает восприниматься не как определенный период жизни Гумера, а как описание жизни татарской деревни во всех ее красивых, привлекательных проявлениях. Здесь будет уместным привести слова Т. Галиуллина: «Несмотря на то, что социалистический реализм официально не отвергался, писатель чувствует возможность расширения его узких рамок, опираясь на нравственные нормы татарского народа, становится на путь более полного раскрытия переживаний личности. Постановка во главу угла национального начала, отражение основ жизни тонкими, неброскими деталями и картинками, поиск глубинных корней истории народа дают возможность в обозначенном выше полуавтобиографическом произведении через судьбу

отдельной личности образно представить жизнь целого поколения» [24, с. 7–8]. Продолжая эту мысль, надо сказать, что на фоне идеологического направления, призывавшего показывать жизнь до 1917 г. лишь в черных тонах, татарскую повседневную жизнь писатель отразил как красивое, самобытное, удивительное явление, доказав, что и в литературе той поры была возможность писать иначе. И если учесть, что в татарской литературе 1970–1980-х гг. изображение татарской деревни, ее жизни с привлекательных сторон приняло массовый характер, превратилось в широкое движение, то следует подчеркнуть, что Г. Баширов своей цели добился.

Заключение

В истории советской литературы 1960-е годы характеризуются масштабной трансформацией художественного сознания, обусловленной «хрущевской оттепелью». Важной составляющей этого процесса стал поиск новых художественных ориентиров, выходящих за рамки соцреалистического канона. Характер этого поиска в тюркоязычных литературах отличается от ситуации в русской литературе: в них «новое» находилось не в противостоянии советской идеологии. Тем не менее агрессивная героика соцреализма исчезла.

В результате тюркоязычная проза постепенно начинает преобразоваться. Изменения были обусловлены стремлением ряда писателей преодолеть характерное для соцреализма нивелирование национального в литературе. Указанный процесс постепенной трансформации был сопряжен с обращением писателей татарской и других тюркоязычных литератур в тематическом плане – к истории и культуре своего народа, в эстетическом – к традициям прошлого, художественному опыту предыдущих поколений. Ярким воплощением данной тенденции стало творчество таких авторов, как Г. Баширов, М. Ибрагимов, Ильбек и др. – самых влиятельных и видных представителей литератур своих народов. Возглавив процесс преодоления соцреализма, они обеспечили, по нашему мнению, возвращение искусства слова к национальным истокам.

Л и т е р а т у р а

1. Галимуллин Ф.Г. *Әле без туганчы...: 1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш*. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2001:320. (На татар. яз).
2. Хомяков В.И. Социально-философская модель русской советской литературы 1920–1930-х гг. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018;80(3):161–166.
3. Голубков М.М. *Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы, 20–30-е гг.* Москва: Наследие; 1992:199.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. *Современная русская литература: 1950–1990-е годы*. В 2 т. Т. 1. 1953–1968. Москва: Академия; 2003:416.
5. Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект; 2000:1040.
6. Гирин Ю. *Картина мира эпохи авангарда*. Авангард как системная целостность. Москва: ИМЛИ РАН; 2013:400.
7. Мыреева А.Н. *Многонациональный роман 1960–1980-х гг.: Типологические аспекты*: дисс. ...д. филол. наук. Якутск: 1999:337.
8. Семенов В.А. *Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе*. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение; 1980:219.
9. Антонов Е.П. Платон Ойунский: национальная биография в советской империи. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2018(25)4:27–32.
10. Юзеев Н.Г. *Муса Жәлил поэмалары*. Казан: Татар. кит. нәшр.; 1960:205 (На татар. яз).
11. Юсупова Н.М. *Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века*. Казань: Ихлас; 2018:312.

12. Гулиев В. *Мирза и эмирзаде*: Вспоминая академика Мирзу Ибрагимов. URL: <http://azyb.az/index.php/memuar/post/115> (дата обращения: 2 сентября 2024).
13. Ауэзова Л. *История Казахстана в творчестве М. Ауэзова*. Алматы: Санат; 1997:320.
14. *История чувашской литературы XX века*. Часть 2 (1956-2000 годы). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во; 2017:432.
15. Ойунский П.А. *Кудангса Великий*. Перевод с якутского А.А. Борисовой. URL: <https://fb2.pf/v-poiskah-zolotogo-zerna-70539769/read/part-4> (дата обращения: 10 декабря 2024).
16. Бурцева М.А. «Красный Шаман» и «Кудангса Великий» П.А. Ойунского в свете шекспировских сюжетов и образов: Автореферат дис. ... к. филол. н. Улан-Удэ; 2021:28.
17. Сарыханов Н. *Шукур-бахши*. URL: <https://tapemark.narod.ru/shukur-bakhshi.html> (дата обращения: 4 апреля 2024).
18. Ибрагимов М. *Перванэ*. Москва: Известия; 1978:372.
19. Ауэзов М. *Путь Абая*. Алматы: Жибек жолы; 2012:568 (На каз. яз).
20. Сатпаев К. *Выдающееся произведение казахской советской литературы*. Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата: 1959:28-39.
21. Уразаева К. «Путь Абая»: актуально об актуальном. *Простор*. 2017;(12):166-180.
22. Ильбек М. *Черный хлеб*. URL: <https://www.rulit.me/books/chernyj-hleb-read-590254-1.html?ysclid=m4gyeryskr361857817> (дата обращения: 10 ноября 2024).
23. Бәширов Г. *Туган ягым – яшел бишек*. Сайланма әсәрләр: 5 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2005:398. (На татар. яз.).
24. Галиуллин Т.Н. *Без белгән һәм әле беләсе Гомәр Бәширов*. Сайланма әсәрләр: 5 томда. Т. 5. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2005:3-8. (На татар. яз.).

References

1. Galimullin FG. *Even before our birth: a look at the literary movement of the 1920s and 1930s: a monograph*. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2001:320 (in Tatar).
2. Khomyakov VI. The social and philosophical model of the Russian Soviet literature of the 1920-1930's. *Scientific Notes of the Orel State University*. 2018;3(80):161-166 (in Russian).
3. Golubkov MM. *Lost alternatives. Formation of the monistic concept of Soviet literature*. 20–30-ies. Moscow: Heritage; 1992:199 (in Russian).
4. Leiderman NL, Lipovetsky MN. *Modern Russian literature: the 1950s and 1990s*. In 2 volumes. Vol. 1. 1953–1968. Moscow: Publishing House “Academy”; 2003:416 (in Russian).
5. The Socialist Realism canon. Collection of articles under the general editorship of H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg: Academic Project; 2000:1040 (in Russian).
6. Girin Y. *The picture of the world of the avant-garde era*. Avant-garde as a system integrity. Moscow: IWL RAS; 2013:400 (in Russian).
7. Myreeva AN. *Multinational novel of the 1960s-1980s: Typological aspects*. Doctoral dissertation (Philology). Yakutsk: 1999:337 (in Russian).
8. Semyonov VA. *Creativity of P. A. Oyunsky and formation of socialist realism in Soviet Yakut literature*. Novosibirsk: Nauka; 1980:219 (in Russian).
9. Antonov EP. Platon Oyunsky: national biography in the Soviet Empire. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2018;4(25):27-32 (in Russian).
10. Yuzeev NG. *The poems of Musa Jalil*. Kazan: Tatar Book Publishing House; 1960:205 (in Tatar).
11. Yusupova NM. *The system of images-symbols in Tatar poetry of the first half of the twentieth century*. Kazan: Ikhlas Publishing House; 2018:312 (in Russian).
12. Guliyev V. *Mirza and Emirzade*: memoirs of academic Mirza Ibragimov. [Electronic resource] <http://azyb.az/index.php/memuar/post/1> [Accessed 2 September 2024] (in Russian).
13. Auezova L. *The history of Kazakhstan in the works of M. Auezov*. Almaty: Publishing House “Sanat”; 1997:320 (in Russian).

14. *History of Chuvash literature of the twentieth century*. Part 2 (1956-2000): collective monograph. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House; 2017:432 (in Russian).
15. Oyunsky PA. *Great Kudangsa*. Translated from Yakut by A.A. Borisova. [Electronic resource] <https://ф62.пф/в-poiskah-zolotogo-zerna-70539769/read/part-4> [Accessed 10 December 2024] (in Russian).
16. Burtseva MA. *“The Red Shaman” and “Kudangsa the Great” by P. A. Oyunsky in the light of Shakespearean plots and images*. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2021:28 (in Russian).
17. Sarykhanov N. *Shukur-bakhshi*. [Electronic resource] <https://tapemark.narod.ru/shukur-bakhshi.html> [Accessed 4 April 2024] (in Russian).
18. Ibragimov M. *Pervane: a novel*. Moscow: Publishing House “Izvestia”; 1978:372 (in Russian).
19. Auezov M. *The Path of Abai*. Almaty: Publishing House “Silk Road”; 2012:568 (in Kazakh).
20. Satpayev K. *Outstanding work of Kazakh Soviet literature*. A collection of articles dedicated to his sixtieth birthday. Alma-Ata: 1959:28-39 (in Russian).
21. Urazayeva K. “The Path of Abai”: relevant about the relevant. *Prostor*. 2017;(12):166-180 (in Russian).
22. Ilbek M. *Black bread*. [Electronic resource] <https://www.rulit.me/books/chernyj-hleb-read-590254-1.html?ysclid=m4ryepyckr361857817> [Accessed 10 November 2024] (in Russian).
23. Bashirov G. *Native Land – My Green Cradle*. Selected works: in 5 volumes. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005:398 (in Tatar).
24. Galiullin TN. *Gumer Bashirov. Whom we know and whom we have to learn*. Selected works: in 5 volumes. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005:3-8 (in Tatar).

Сведения об авторе

ЗАГИДУЛЛИНА Дания Фатиховна – д. филол. н., проф., г. н. с. отдела литературоведения, обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, ORCID: 0009-0000-1651-8347

E-mail: zagik63@mail.ru

Information about the author

Daniya F. ZAGIDULLINA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Chief Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, ORCID: 0009-0000-1651-8347

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 16.01.25

Принята к публикации / Accepted 11.02.25